

ПРИМЕНЕНИЕ СИМВОЛОВ В ИСТОРИИ ПСИХОТЕРАПИИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В.И. ЦЫБУЛЯ

В статье рассматриваются результаты историко-психологического исследования применения символов в практике основных школ психотерапии. Выделяются этапы, отражающие основные тенденции в эволюции терапевтического применения символов. Предполагается, что появление новых методов применения символов происходит в связи с историческим изменением методологических оснований и терапевтических упований школ психотерапии.

Ключевые слова: символ, смысл, история психотерапии, терапевтические упования.

В настоящее время в психологической науке существует большой интерес к проблеме символа как особого психологического средства. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные в течение последних двух десятилетий, в которых символ изучается в контексте проблем развития познавательных функций [Веракса, Дьяченко, 1996; Веракса, 2008; Подзорова, 2008; Apperly, Williams, etc., 2004; Callaghan, 1999; DeLoache, 2002], произвольной регуляции [Цветков, 2006], ценностно-смысловой сферы [Афанасьева, 2002; Лебедева, 2011], ориентировки в межличностных отношениях [Воробьева, 2010], проблем практической психологии [Буякас, Зевина, 1997; Буякас, 2000, 2003; Волкова, Орлов, Орлова, 2010; Шалина, 2010]. Однако до сегодняшнего дня всё еще остается недостаточно осмысленным с позиции научной психологии накопленный в истории психотерапии богатый опыт терапевтического применения символа, историко-психологическое исследование которого может способствовать расширению научно-психологических представлений о символе как психологическом средстве и механизмах его влияния на развитие сознания и самосознания.

Цель данной статьи — содержательно реконструировать эволюцию терапевтического применения символов с позиции определенной теоретико-методологической позиции по отношению к символу как психологическому средству. *Философский уровень* принятой нами теоретико-методологической позиции составляют общефилософские представления о символе П.А. Флоренского [Флоренский, 2006], А.Ф. Лосева [Лосев, 1991], М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского [Мамардашвили, Пятигорский, 2009]. При всей разности подходов этих авторов символы рассматриваются ими как своего рода «смысловые ориентиры» сознания или средства «настройки» сознания на «видение», переживание и понимание смыслового измерения бытия. *Теоретико-психологический уровень* интегрирует представления о символе в современных исследованиях, среди которых можно выделить два подхода. Для первого подхода наиболее характерно рассмотрение символа как чувственно осязаемого явления (предмета, ситуации, образа и др.), которое имеет для определенного человека *особый личностный смысл, выражающий его пристрастное отношение к чему-либо* [Веракса, 2008; Веракса, Дьяченко, 1996; Воробьева, 2010; Цветков, 2006; Шалина, 2010]. В структуре символа в отличие от знака доминирует личностный смысл. Второй подход характеризуется рассмотрением символа как чувственно осязаемого явления, порождающего или раскрывающего в индивидуальном сознании *объективный культурный смысл, не зависящий от актуальных личных предпочтений или отношений* [Буякас, Зевина, 1997; Буякас, 2000, 2003; Поляков, 2007, 2008]. Можно сказать, что символ представляет иные, т. е. альтернативные актуальным, ранее сформировавшимся в жизни конкретного человека смысловые позиции, иные видения и понимания. На наш взгляд, эти психологические подходы к пониманию символа позволяют целостно понять сущность символа как психотехнического средства в психотерапии, которое может выступать и как средство экспликации, чувственного воплощения личностных смыслов (первый подход), и как средство порождения новых личностных смыслов (второй подход), новых смысловых структур сознания и самосознания. Таким образом, *символ как психологическое средство мы определяем как чувственно осязаемую «вещь», эксплицирующую, воплощающую смысл и/или порождающую в сознании новые смыслы*. На психотехническом уровне мы рассматриваем символ как средство фасилитации процессов смысловой динамики. Будучи средством решения «задач на смысл» [Веракса, Дьяченко, 1996], символ играет важную роль в психотерапии, так как позволяет преодолеть уровень актуального «видения» и «осмысления» проблемы клиента, «выйти» в пространство альтернативных смыс-

ловых позиций, воплощаемых символом, которые и позволяют клиенту преодолеть проблемную ситуацию [Волкова, Орлов, Орлова, 2010].

Опираясь на охарактеризованную выше теоретико-методологическую позицию, мы анализировали методы и описанные клинические случаи в основных школах психотерапии, стараясь определить, применялись ли в них символические средства, и если применялись, то с помощью каких методов и техник. Анализ психотерапевтической литературы позволил выделить два этапа в истории терапевтического применения символов: 1) этап применения символов в исторических прототипах психотерапии, многие из которых были тесно связаны с мифологией, религиозными верованиями, магией (до н. э. — 70—80-е гг. XIX в.), и 2) этап применения символов в психотерапии как самостоятельной области медицинской практики, которая опиралась на определенные психологические представления и была направлена на достижение психотерапевтических целей (90-е гг. XIX в. — наст. вр.). Критериями выделения этапов выступили: 1) контекст применения символов; 2) рефлексия психологических механизмов эффективности символов. Описывая каждый этап, мы сопоставляем особенности применения символов с ведущими *терапевтическими упованиями*, которые характеризуют «главный механизм, основной продуктивный процесс, который непосредственно обеспечивает достижение терапевтических целей» [Василюк, 2003, с. 23]. Мы предполагаем, что особенности методов применения символов в определенных школах психотерапии неразрывно связаны с ведущими терапевтическими упованиями, являющимися смысловым стержнем психотерапевтической практики в каждой школе [Василюк, 2003]. Термин «терапевтические упования» позволяет понять, почему в определенной школе используется именно этот, а не иной метод работы с символом.

1. Этап применения символов в исторических прототипах психотерапии. Этот этап включает период существования исторических прототипов психотерапии (до н. э. — первая четверть XIX в.), а также период популярности практики гипнотизма (40-е XIX в. — 80-х гг. XIX в.). К историческим прототипам психотерапии мы относим как архаические практики лечения, так и животный магнетизм Ф. Месмера. Техники применения символов в древних практиках (например, «возвращение утраченной души» и «извлечение из тела болезнетворного объекта» в шаманизме, коллективные церемонии исцеления и др. [Эленбергер, 2001]) были детерминированными мифами и религиозными верованиями, формирующими целостное смысловое измерение жизнедеятельности древнего человека. Характерной чертой применения символов на

этом этапе является конструирование с их помощью событийного, мистического пространства и времени исцеления, в котором «принимают участие» Боги, духи, таинственные силы. С помощью культурных символов лекарь конструировал *историю* «изгнания» недуга из тела больного, который выступал сопереживающим зрителем «драмы исцеления», разыгрываемой лекарем с помощью символических предметов и действий, воспринимаемых как реальные действующие «силы». В животном магнетизме с помощью различных символических средств (например, чан, «заряженный» магнетическими флюидами; эбонитовая палочка как «проводник» флюидов; яркое, необычное облачение магнетизёра; музыка) создавалась таинственная атмосфера, в которой инициировался кризис пациента, приводивший его к исцелению, как считал Ф. Месмер. Вполне возможно, что Ф. Месмер осознавал символичность применяемых им средств, однако нельзя с уверенностью предполагать, что он рефлексировал их *психологическую роль* в исцелении болезней. Особенности применения символов в прототипах психотерапии связаны с упованием на такие продуктивные психические процессы, как внушаемость и вера, которые обеспечивали исцеление пациента.

В гипнотерапии символ как психологическое средство также не использовался осознанно и целенаправленно. Однако символически воспринимаемая фигура гипнотерапевта оказывала суггестивное воздействие на пациента, так как воплощала для него всемогущество, исключительные способности и возможности управления другим человеком.

II. Этап применения символов в психотерапии как самостоятельной области медицинской практики (90-е гг. XIX в. — наст. вр.). Целенаправленному применению символов в психотерапии предшествует открытие символической структуры симптомов истерии в клинической практике Й. Брейера и П. Жане. Их знаменитые клинические случаи создали предпосылки для изменения взгляда на природу симптома, который постепенно стал рассматриваться как психологический феномен, имеющий скрытый смысл. Стала изменяться логика процесса терапии неврозов: от редукции симптома посредством гипнотической практики — к попытке *понять его смысл*, источник, происхождение; от «войны» с симптомом — к созданию условий, чтобы симптом «выговорил» себя, к внимательному «слушанию» скрытого «голоса» симптома; от редуцирующей стратегии к герменевтической. Произошло смещение акцентов с использования *культурной символики*, используемой лекарем в прототипах психотерапии, и от эксплуатации символического ореола фигуры терапевта в гипнотерапии к работе с *индивидуальной психологической символикой клиента*, рассмотрению символического строения симпто-

ма. Изменилась техника применения символов — от *конstellации культурных символов* в процессе лечения к *пониманию индивидуальной психологической символики* (симптомов и образов сновидений). Источник смыслов симптома теперь предполагается «внутри» жизненной истории пациента.

Внутри этого этапа условно можно выделить следующие периоды:

а) (90-е XIX в. — 30-е гг. XX в.). В этот период *символ рассматривается и целенаправленно используется как основное терапевтическое средство*, так как школы, сформировавшиеся в это время, характеризуются предположением и поиском неосознаваемых смыслов психологических симптомов клиента. Опосредованное символами обращение к бессознательным или неосознаваемым психическим процессам имеет важное методологическое значение в этих школах.

В школе психоанализа З. Фрейда невротические симптомы, индивидуальные и межличностные психологические феномены впервые стали рассматриваться как символы¹, т. е. как нечто, воплощающее скрытый, терапевтически важный, бессознательный смысл. Основная техника применения символов в психоанализе З. Фрейда — аналитическая интерпретация симптомов и образов сновидений, имеющих скрытый психологический смысл. Интерпретация в психоанализе направлена на осознание целей, которые реализует симптом, установление связи между симптомом, травматическим событием в прошлом и вытесненными желаниями, чувствами, мыслями, связанными с этим событием. Такая техника применения символов связана с упованием на осознание, которое играет значимую роль в психоаналитической практике. С терапевтической точки зрения важно, чтобы смысл симптомов и сновидений осознавался не только терапевтом, но и, в первую очередь, самим пациентом.

В аналитической терапии К. Юнга сформировалась аналитико-синтетическая интерпретация символов [Юнг, 2003], которая имеет следующие особенности. Во-первых, образы сновидений и симптомов соотносятся с субъективными содержаниями и тенденциями внутреннего

¹ Важно подчеркнуть, что это утверждение опирается на сформулированное в нашем исследовании понимание символа. *Сам же З. Фрейд не называл симптомы и различные психологические феномены символами*. Он лишь говорил о том, что они наряду с образами сновидений, ошибочными действиями и оговорками имеют скрытый психологический смысл. Термин «символ» он использовал по отношению к *типичным, универсальным образам сновидений*, которые всегда имеют *одно и то же значение*, зафиксированное в народном фольклоре, выражающем бессознательные представления народа, сформировавшиеся в ходе его филогенетического развития [Фрейд, 2005].

мира самого клиента (а не с внешними событиями и происшествиями, случившимися с клиентом, как в аналитической интерпретации З. Фрейда). Во-вторых, учитываются конкретные биографические, исторические и общекультурные контексты индивидуальной психологической символики. В этой школе впервые также предлагалось клиентам создавать символические образы в ходе творческой деятельности, в основе которой лежит активное воображение. Появление новых методов работы с символами в этой школе детерминировано новыми терапевтическими упованиями. Аналитический терапевт уповает не только на осознание, но и на творчество и «выход в надличностное измерение» (переживание единства и глубинных связей с миром).

В 20-е гг. XX в. формируется школа психосинтеза Р. Ассаджиоли [Ассаджиоли, 2008], для которой характерен иной способ применения символов, заключающийся в *отождествлении* и *идентификации* с символом как воплощением идеальной модели духовного и психического развития. Главной целью терапевтического применения символов в этой школе является *воздействие* на динамику бессознательного и процессы духовного и психического роста. Подчеркивается важность систематического, дисциплинированного выполнения упражнений с использованием символов. Такой метод работы с символом детерминирован терапевтическим упованием на интроецирование идеальных моделей и волю клиента.

К этому периоду мы также относим экзистенциальный анализ Л. Бинсвангера [Бинсвангер, 1999], в котором впервые формируется и осознанно применяется альтернативная психоаналитическому подходу техника — феноменологическая интерпретация символов сновидений и симптомов, в которой реализуется стремление понять целостное бытие клиента вне разделения его на сознание и бессознательное [Бинсвангер, с. 122], понять смысл символа как выражение уникального способа отношений клиента с людьми и миром в целом. Интерпретация основывается на выделении терапевтом и клиентом базовых экзистенциальных настроений, эксплицируемых в чувственно воспринимаемой форме символа, рефлексии уникального способа бытия клиента в мире. При этом работа терапевта и клиента по пониманию символа осуществляется в пределах свойств и характеристик его внешней формы. Экзистенциальный подход к интерпретации сновидений и симптомов далее был развит и усовершенствован в дазайн-анализе М. Босса. Специфика применения символа в экзистенциальных школах связана с терапевтическим упованием на осознание и рефлексии оснований и направленности своего бытия.

б) (30-е гг. XX в. — 60-е гг. XX в.) В это время появляются школы, в которых *символ перестает рассматриваться в качестве основного терапевтического средства, хотя и продолжает использоваться*. Переход к этому периоду детерминирован возникновением психотерапевтических школ, для которых характерна направленность на непосредственные переживания, целостное проживание осознаваемого опыта (психодрама Дж. Морено [Морено, 2008], гештальт-терапия Ф. Пёрлза [Пёрлз, 2005], клиент-центрированная терапия К. Роджерса [Роджерс, 2008], экзистенциально-инициальная терапия К. Дюркхайма [Дюркхайм, 1992]). Символ используется в терапии этих школ, но его природа и терапевтическая роль не обсуждаются их представителями. Возможно, в этом отчасти выражается стремление подчеркнуть отличие представлений и методов данных школ от психоанализа, с которым устойчиво ассоциировался символ как средство осознания скрытых содержаний бессознательного. Ведущими упованиями этих школ становятся упования на спонтанность (психодрама), переживание (клиент-центрированная терапия), *осознавание* непосредственного опыта (гештальт-терапия). В соответствии с изменениями упований развиваются иные техники работы с символом, отличительные особенности которых заключаются в следующем. Во-первых, терапевт поощряет клиента вчувствоваться в символический образ или сюжет; непосредственное проживание и вчувствование используются как основной способ понимания смыслового содержания символа, во-вторых, смысл не столько извлекается, сколько спонтанно *порождается* в процессе проживания и/или драматического «оживления» символа, благодаря которому символ становится «говорящим» участником терапевтической работы. Примером «оживления символа» в ходе терапевтической работы может выступить распространенный в гештальт-терапии прием: клиент «вживается» в симптом как отдельную самостоятельную сущность и от имени симптома обращается к группе, самому себе или референтному человеку из ближнего окружения, амплифицируя таким образом терапевтически значимую смысловую позицию, которая воплощается в символически рассматриваемом симптоме. Другим примером является способ работы со сновидением, характерный для этих школ: клиента инструктируют вчувствоваться в образы сновидения и от их имени вести монолог или диалог, в ходе которого разворачиваются не осознаваемые клиентом отношения и чувства. Приоритетом в этом методе применения символов является не столько осознание смысла симптомов, сколько целостное *переживание* (в первую очередь, эмоциональный, чувственный, телесный компонент), результатом которого является спонтанное «получение» или «порождение» смыслового послания — клиент переживает инсайт, который позволяет ему изменить отношение к проблемной ситуации и качество её переживания. Изменяется

роль терапевта и отношения терапевта и клиента в ходе работы с символом — терапевт побуждает клиента активнее участвовать во взаимодействии с терапевтом и терапевтической группой, целостно вовлекаться в терапевтический процесс (эмоционально, интеллектуально, чувственно).

В этот период также возникают школы поведенческой и когнитивной терапии, в которых наиболее ярко прослеживается тенденция игнорирования терапевтической роли психологических символов. Отказ от использования символа в школах поведенческой терапии связан с тем, что смысл или скрытый план симптома и проблемы клиента не представляются терапевтически важными. В то же время в когнитивной терапии, несмотря на отсутствие представления о символе, имплицитно реализуется общая методическая установка — предусматривать скрытый, неосознаваемый смысл симптоматического поведения в глубинных схемах мышления, неосознаваемых иррациональных убеждениях и др. Снижение интереса к символу в этих школах психотерапии, возможно, отражает общую тенденцию в гуманитарной области науки 50-х—60-х гг. XX в., которая выражается, как считает Р. Барт, в размывании «символического сознания» [Барт, 2008].

в) (50—60-е гг. — 90-е гг. XX в.). В этот период *формируются эклектические способы работы с символами*. Это связано с появлением школ, для которых характерны отсутствие строгих методологических предписаний и релятивный подход к практике, выражающийся в гибком, вариативном использовании техник, взятых из контекста школ, в которых они ранее сформировались. К этому периоду мы относим символдраму Х. Лейнера [Лейнер, 1996], нейролингвистическое программирование Д. Бэнндлера и Р. Гриндера [Гриндер, Бэнндлер, 1995], процессуальную терапию А. Минделла [Минделл, 2005]. В указанных школах на методическом уровне интегрируются техники, заимствованные из ранее возникших школ (психоанализа, психодрамы, гештальттерапии и др.), которые опираются на различные теоретико-методологические основания, но, к сожалению, не проводится теоретическое обоснование возможности их совместного использования в терапевтической практике. В этот период технологии применения символов становятся более разработанными. Школы, возникшие в этот период, характеризуются достаточно четким алгоритмом упражнений с символами, предписанными режиссерскими приемами управления процессом воображения (символдрама), развитыми технологиями моделирования и преобразования формы и смыслового содержания символов (нейролингвистическое программирование). В этих школах совмещаются и выборочно актуализируются упования на различные продуктивные процессы: осознание, отреа-

гирование, проживание, изменение переживаний и др. Та или иная техника или сочетание нескольких заимствованных техник используются в соответствии с целями и задачами конкретного терапевтического случая. Причиной этого является «технологическая ориентация» на расширение методического арсенала возможных средств и техник терапевтического воздействия, гибкое и вариативное их использование.

В данной статье мы ограничились рассмотрением школ психотерапии, которые наиболее ярко отражают особенности выделенных периодов в истории терапевтического применения символов. В последние два десятилетия можно отметить тенденцию интегрированного использования в рамках одного метода различных техник применения символов (*интерпретация, проживание, драматическое разыгрывание и др.*). Для трансперсональной и процессуально-ориентированной психотерапии характерно обращение к культурным символам, источник которых выходит за рамки психотерапевтического контекста, — например, использование шаманских ритуалов, символических образов и действий из религиозных и эзотерических практик. Применение символов в этих школах имеет сходство со способом применения символов в исторических прототипах психотерапии — констелляция символов с целью создания магического пространства-времени, привлечение в терапевтический процесс символически представленных Богов и духов.

Заключение

Как показывает историко-психологический анализ, символ является универсальным средством, которое с различной степенью рефлексии и осознанности используется на всех этапах истории психотерапии. Переход от этапа дорефлексивного применения символов в исторических прототипах психотерапии к этапу применения символов в психотерапии как самостоятельной практике сопровождается отказом от культурной символики и обращением к индивидуальным психологическим символам. Мы предполагаем, что смена этапов детерминирована несколькими факторами. Во-первых, изменения в разных сферах культуры — интенсивное развитие науки и медицинской практики, снижение роли религии в жизни людей и укрепление антропоцентризма, для которого характерен фокус на проблематике человека [Эленбергер, 2001] — создали предпосылки для появления психотерапевтической практики, в которой личная история пациента стала главным источником осмысления его невротических симптомов. Во-вторых, совершенное в клинической практике Й. Брейера и П. Жане открытие психологического смысла невротических симптомов привело к пересмотру це-

лей и механизмов терапии неврозов. Знание о том, что невротический симптом имеет символическую структуру, послужило основой для целенаправленного обращения З. Фрейда к символам как к средствам осознания психологического смысла симптома и отреагирования вытесненных травматических переживаний, осознанных благодаря аналитической интерпретации. Появление новых методов применения символов в ходе дальнейшего исторического развития психотерапии в XX в. обусловлено возникновением школ, опирающихся на методологические основания и терапевтические упования, которые отсутствовали у ранее сформировавшихся школ.

ЛИТЕРАТУРА

- Ассаджиоли Р.* Психосинтез: принципы и техники / пер. с англ. М.: Психотерапия, 2008.
- Афанасьева А.П.* Символ как средство диагностики ценностно-смысловой сферы личности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Барт Р.* Нулевая степень письма / пер. с фр. М.: Академический проект, 2008.
- Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире / пер. с нем. М.: «КСП+»; СПб.: «Ювента», 1999.
- Буякас Т.М., Зевина О.Г.* Опыт утверждения общечеловеческих ценностей — культурных символов — в индивидуальном сознании // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 44—56.
- Буякас Т.М.* Инициальный путь развития личности: возможности психологической работы // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 68—79.
- Буякас Т.М.* Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредованной символами // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 96—108.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психотерапии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Веракса А.Н.* Особенности символического опосредствования в познавательной деятельности младших школьников: Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 2008. 30 с.
- Веракса Н.Е., Дьяченко О.М.* Способы регуляции поведения у детей дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 14—26.
- Воробьева Е.В.* Особенности символических представлений младших школьников об одноклассниках. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А.* Знак, метафора, символ — методология субъектности // Журн. «Психология» Высшей школы экономики. 2010. № 3.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.* Из лягушек в принцы / пер. с англ. М.: Класс, 1995.
- Лебедева Т.А.* Символ как средство развития ценностно-смысловых представлений дошкольников [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru 2011. №2. URL: <http://psyedu.ru/> (дата обращения: 11.03.2013).
- Лейнер Х.* Катагимное переживание образов / пер. с нем. М.: Эйдос, 1996.

- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.
- Минделл А. Вскачь задом наперед / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2005.
- Морено Дж. Психодрама / пер. с англ. М.: Издательство Института психотерапии, 2008.
- Перлз Ф. Практика гештальт-терапии / пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005.
- Подорова Е.Л. Эмоциональное предвосхищение результатов решения познавательных задач в дошкольном возрасте: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Поляков А.М. Символическая функция сознания как условие становления субъектности // Философия и социальные науки. 2007. № 4. С. 61—69. (Начало); 2008. № 1. С. 76—80. (Продолжение).
- Роджерс К. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы / пер. с англ. М.: Психотерапия, 2008.
- Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: Эксмо, 2006.
- Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005.
- Цветков А.В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Шалина О.С. Символическое опосредствование переживаний личности в критических ситуациях. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Эленбергер Г.Ф. Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии. Часть I: От первобытных времен до психологического анализа / пер. с англ. СПб.: Академический проект, 2001.
- Юнг К.Г. Символическая жизнь / пер. с англ. М.: «Когито-центр», 2003.
- Apperly, I.A., Williams, E. & Williams, J. Three-to-four-year-olds' recognition that symbols have a stable meaning: pictures are understood before written words // Child Development. 2004. № 75. 1510—1522.
- Callaghan, T.C. Early understanding and production of graphic symbols // Child Development. 1999. № 70. 1314—1324.
- DeLoache, J.S. Dual representation and young children's use of scale models // Child Development. 2002. № 71. 329—338.

USING SYMBOLS IN HISTORY OF PSYCHOTHERAPY: CHRONOLOGIC AND CONTENT RECONSTRUCTION

V.I. TSYBULJA

The article presents results of historical and psychological analysis of using symbols in psychotherapy. Stages in the evolution of therapeutic using symbols are discussed

as conveying main historical tendencies. It is supposed that emergence of new therapeutic methods of using symbols is caused by historical change of methodology and therapeutic hopes in new schools of psychotherapy.

Keywords: symbol, sense, history of psychotherapy, therapeutic hopes.

- Assadzholi R.* Psihosintez: principy i tehniki / per. s angl. M.: Psihoterapija, 2008.
- Afanas'eva A.P.* Simvol kak sredstvo diagnostiki cennostno-smyslovoj sfery lichnosti: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2002.
- Bart R.* Nulevaja stepen' pis'ma / per. s fr. M.: Akademicheskij proekt, 2008.
- Binsvanger L.* Bytie-v-mire / per. s nem. M.: "KSP+"; SPb.: "Juventa", 1999.
- Bujakas T.M., Zevina O.G.* Opyt utverzhdenija obshhechelovecheskih cennostej — kul'turnyh simvolov — v individual'nom soznanii // *Voprosy psihologii.* 1997. № 5. S. 44—56.
- Bujakas T.M.* Inicial'nyj put' razvitija lichnosti: vozmozhnosti psihologicheskoy raboty // *Voprosy psihologii.* 2003. № 5. S. 68—79.
- Bujakas T.M.* Lichnostnoe razvitie v uslovijah raboty samoponimaniya, oposredovanno simvolami // *Voprosy psihologii.* 2000. № 1. S. 96—108.
- Vasiljuk F.E.* Metodologicheskij analiz v psihoterapii. M.: MGPPU; Smysl, 2003.
- Veraksa A.N.* Osobennosti simvolicheskogo oposredstvovaniya v poznavatel'noj dejatel'nosti mladshih shkol'nikov: Avtoref. diss... kand. psihol. nauk. M., 2008. 30 s.
- Veraksa N.E., Djachenko O.M.* Sposoby reguljarii povedeniya u detej doshkol'nogo vozrasta // *Voprosy psihologii.* 1996. № 3. S. 14—26.
- Vorob'eva E.V.* Osobennosti simvolicheskikh predstavlenij mladshih shkol'nikov ob odnoklassnikah. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2010.
- Volkova D.Je., Orlov A.B., Orlova N.A.* Znak, metafora, simvol — metodologija sub'ektnosti // *Zhurn. "Psihologija" Vyshej Shkoly Jekonomiki.* 2010. № 3.
- Grinder D., Bjendler R.* Iz ljagushek v princy / per. s angl. M.: Klass, 1995.
- Lebedeva T.A.* Simvol kak sredstvo razvitija cennostno-smyslovyh predstavlenij doshkol'nikov [Jelektronnyj resurs] // *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* 2011. №2. URL: <http://psyedu.ru/> (data obrashhenija: 11.03.2013).
- Lejner H.* Katatimnoe perezhivanie obrazov / per. s nem. M.: Jejdos, 1996.
- Losev A.F.* Filosofija. Mifologija. Kul'tura. M.: Politizdat, 1991.
- Mamardashvili M.K., Pjatigorskij A.M.* Simvol i soznanie. M.: Progress-Tradicija, Fond Meraba Mamardashvili, 2009.
- Mindell A.* Vskach' zadom napered / per. s angl. M.: OOO "Izdatel'stvo AST", 2005.
- Moreno Dzh.* Psihodrama / per. s angl. M.: Izdatel'stvo Instituta Psihoterapii, 2008.
- Perlz F.* Praktika geshtal't-terapii / per. s angl. M.: Institut Obshhegumanitarnyh Issledovanij, 2005.
- Podzorova E.L.* Jemocional'noe predvoshishhenie rezul'tatov reshenija poznavatel'nyh zadach v doshkol'nom vozraste: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2008.
- Poljakov A.M.* Simvolicheskaja funkcija soznaniya kak uslovie stanovlenija subektnosti // *Filosofija i social'nye nauki.* 2007. № 4. S. 61—69. (Nachalo); 2008. № 1. S. 76—80. (Prodolzhenie).

- Rodzgers K.* Konsul'tirovanie i psihoterapija: Novejsšie podhody v oblasti praktičeskoj raboty / per. s angl. M.: Psihoterapija, 2008.
- Florenskij P.A.* Imena: Sočinenija. M.: Jeksmo, 2006. Frejdz Z. Tolkovanie snovidenij / per. s nem. M.: AST, Mn.: Harvest, 2005.
- Cvetkov A.V.* Rol' simvola v razvitii proizvol'noj reguljacii povedenija lichnosti v shkol'nom vozraste: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2006.
- Shalina O.S.* Simvoličeskoe oposredstvovanie perezhivanij lichnosti v kritičeskih situacijah. Avtoref.diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2010.
- Jelenberger G.F.* Otkrytie bessoznatel'nogo. Istorija i jevoljucija dinamičeskoj psihiatrii. Čast' I: Ot pervobytnyh vremen do psihologičeskogo analiza / per. s angl. SPb.: Akademičeskij proekt, 2001.
- Jung K.G.* Simvoličeskaja žizn' / per. s angl. M.: "Kogito-centr", 2003.
- Apperly, I.A., Williams, E. & Williams, J.* Three-to-four-year-olds' recognition that symbols have a stable meaning: pictures are understood before written words // Child Development. 2004. № 75. 1510—1522.
- Callaghan, T.C.* Early understanding and production of graphic symbols // Child Development. 1999. № 70. 1314—1324.
- DeLoache, J.S.* Dual representation and young children's use of scale models // Child Development. 2002. № 71. 329—338.